Евгений Петросян: Смех

– Евгений Ваганович, Вы на сцене постоянно изображаете наших непутевых политиканов – а по-настоящему заняться политикой желания не появлялось?

– Вы знаете, когда были выборы в Думу, у меня было шесть предложений стать вторым лицом в различных партиях. Я с пеной у рта всем доказывал – что это не мое дело.

– Доказали?

– Да я их просто послал и все! *(Смеется.)*

– Убедительно!

– Убедительно послал! *(Смеется.)* Я вообще как-то странно отношусь к тому месту, которое я занимаю, – самонадеянно даже, я бы сказал. Потому что жизнь меня регулярно заманивала: в кино приглашали, в театр – но как только я покупался, она меня била и ставила обратно. Вокруг жанра – пожалуйста, внутри – тем более. Но как только в сторону – хлоп. И теперь я понимаю, что мое место только здесь, и, как мне кажется, некую определенную миссию выполняю.

– А если поподробнее – в чем эта миссия?

– Она выражена четверостишием из Губермана:

И спросит Бог: "Никем не ставший,
Зачем ты жил, что смех твой значит?"
"Я утешал рабов уставших",
Отвечу я. И Бог – заплачет.

Вы знаете, вот этот поиск смешного и передача его людям, – как эстафета радости, как призыв к улыбке вопреки всему, как передача надежды и хорошего настроения. Ведь когда человек смеется – он сильнее делается. Чуть-чуть, но сильнее. Смех и врачеватель, и педагог, и развлекатель. Просто развлекательность может и должна иметь свои нравственные и эстетические рамки. Смех и воспитатель, смех и утешитель. Очень много качеств у смеха. В передаче этого содержания людям и есть романтика моей профессии. К сожалению, у нас совершенно нет эстрадоведов: за время перестройки столько нового (и, увы, не всегда положительного), столько перемен, открытий было совершено в нашем жанре, а проанализировать некому. Мне хотелось, чтобы "веды" это определяли, формулировали, а не я. Вот у меня на премьере был маститый критик, профессор Шерель. Он мне долго лекцию читал. Я ему говорю: " Ты – первый человек, который анализирует то, что я сделал, объясняет, что я хотел сказать".

– При этом, он ограничился тем, что вам это рассказал?

– Он всегда ограничивается этим.

– Совет: записывайте на диктофон, как я сейчас. И пусть ваши сотрудники расшифровывают и отдают в печать.

– Придется, видимо. А то он в печати об этом нашем легкомысленном жанре – он же серьезный человек – стесняется писать.

Я выпустил сейчас, с моей точки зрения, очень серьезный спектакль – оценивать его я, естественно, не буду, но такого подхода, такой формы в эстрадном искусстве, может быть, еще и не было. В моем последнем спектакле я добираюсь и до трагедии.

– А Вы считаете, что самая высокая цель юмора – подняться до трагедии?

– Подняться, да. Заставить человека сострадать – посмеявшись. Сострадание помогает осмыслить, над чем он смеялся. Когда в спектакле "Как поживаете? " я читал 20-минутный публицистический фельетон, все профессионалы, которые делали со мной спектакль, говорили – провалишься. Но я настоял на своем и никогда не забуду, как одна дама сказала после спектакля: "Ах, так вот над чем мы, оказывается, смеялись!" Мне хочется выходить на попытку осмысления жизни.

– Вы вообще очень серьезно относитесь к своему делу. У вас свой театр, Вы открыли Центр эстрадной юмористики на Петровке (кстати, забавно, Петросян на Петровке: тоже, наверное, просчитали!), при нем складывается уникальный музей истории юмористики в России, у вас вышло три книги, четвертая – ждет издания, пятая – пишется.

– Пишу, но все равно от жанра не отхожу: в одном случае, например, это – теория комического, в другом – попытка проанализировать вообще остроумие, в третьем – изучить фольклор. Я же сделал книжку не просто анекдотов, там тоже попытка анализа. Я не говорю анализ – я говорю попытка, понимаете разницу? Это не деликатность и не скромность, это – правда. Сейчас почему-то нормальное поведение воспринимается как выдающее качество: "Знаете, я прочитал книжку!" – "Да-а??! О-о-о!!!" То есть прочитать книжку – подвиг сейчас (смеется). В общем, мой подход к профессии всесторонний – и я получаю удовольствие от этого.

– Евгений Ваганович, искусство требует жертв?

– Безусловно. Это не высокопарные слова. По-моему, в "Федре" герой говорит: "Кто говорит – творчество, тот говорит – жертвы". Это констатация факта.

– Вот Вы лично какие жертвы принесли?

– Всю свою жизнь. Все подчинено работе. С утра до ночи все о работе. И если я отвлекусь, меня моя судьба накажет.

– А на премьеры ваших коллег Вы ходите?

– С Винокуром мы недавно разговаривали именно на эту тему и говорили: плохо, что мы перестали ходить. Увы, это общая тенденция. Винокур так расчувствовался, что сказал:"Я приду" – и не пришел. *(Хохочет.)* Но когда была премьера моего первого спектакля и были живы практически все "старики", с которыми я был очень дружен, они все – Миров и Новицкий, Миронова и Менакер – сидели в зале. Без приглашения! С приглашением, с привозом (он старенький уже был) Утесов. Они были неравнодушными людьми – и к своему жанру, и к коллегам, и к младшим. Ну, к младшим – вообще отдельный разговор. Особая статья. Но я , поскольку воспитан ими, хожу иногда. Вот недавно был на концерте Жванецкого – это его почему-то так поразило (из нашего разговора: прочитал книгу – подвиг!), что он меня поднял в зале, выразил мне благодарность. И потом я пришел за кулисы, говорил о том, как он выступал, чем еще больше поразил – мы чуть не плакали. Он говорил:"Боже мой, как хорошо, что ты пришел!"

Фактически мы не знаем друг друга, потому что есть один секрет в оценке эстрадного исполнителя: его надо судить не из-за кулис, не по телевидению – только из зала! Атмосфера другая, шутка очень зависит от контекста, в котором она пребывает, а под словом контекст надо разуметь не только сюжет, не только эпоху на дворе, не только самого рассказчика, не только ваше отношение к рассказчику, но прежде всего атмосферу самого спектакля или концерта.

– Но ведь это вроде азбучная истина.

– К сожалению, забытая.

– Вы говорили, что у "стариков" было особенное отношение к молодым. Я, например, свою дочку, закончившую театрально-художественное училище, год не могла устроить на работу – никто не хотел брать художника-модельера без опыта работы. Я попросила одну очень известную художницу взять ее к себе под крыло. Сначала она, как все, сказала, что ей не нужен человек, которого надо учить, проверять, контролировать, а потом добавила: "И поймите, зачем же я буду себе соперницу-то готовить?!" А Вы – ведете "Смехопанораму", приводите туда молодняк, своих, возможно, будущих соперников.

– Не идеализируйте – я не люблю этого. Есть здесь корысть, не такой уж я бескорыстный. Корысть в том, чтобы жанр сохранить.

– Это Вы называете – корысть?

– А как хотите называйте. Сейчас ярлыки, определения вешаются с легкостью – можно и корыстью назвать. Мы же потеряли очень много замечательных вещей, которые были в России. Я познакомился в Нью-Йорке с интереснейшим художником – ему 98 лет, Михаил Александрович Вербов. Мы, к сожалению, его не знаем, потому что он из первой волны эмиграции. Я вообще попал на прием первой эмиграции и это произвело впечатление до слез. И сейчас без слез не могу вспоминать, что это за люди: как они знают русский язык – язык своей родины, как они могут слушать друг друга.

Вербов много рисовал разных великих русских людей – в том числе и Бунина. Во время сеанса они беседовали, и Бунин сказал: "Беда даже не в том, что мы потеряли ту Россию, а в том, что русские люди, россияне, которые будут жить в новой России, никогда не узнают, как мы хорошо жили. Ни-ко-гда. К сожалению." (может, недословно, но за точность смысла ручаюсь). Я понимаю, что многое восстановится генетически, из уважения к прошлому , но мы потеряли самое главное – традиции. Может, даже сейчас теряем: вот видите – приход на концерты, воспитание ученика. И таких вещей тысячи. Существовал этикет – бытовой, театральный. Мы имели потрясающую школу комического.

– Кстати, Вы не преподаете?

– Вы от меня многого хотите. Я все же не Юлий Цезарь.

– А Вы могли бы пригласить педагогов.

– Мог бы, конечно. Но ведь эстрадоведы – специализация театроведческого дела. Вот если бы ко мне пришли несколько молодых людей, окончивших ГИТИС... Просто энтузиасты из любителей мне не нужны, это должны быть культурные, образованные люди. С пониманием театрального дела, с ощущением нашего жанра. Мне наличие вот этого ощущения важнее даже, чем их знания по предмету – знания я им дам, просто подскажу, что почитать по этому вопросу, и за год – за два все придет. Если бы они пришли, конечно, я бы их держал рядом.

– Так, может, стоит кинуть клич – и они придут? В кино так на заре перестройки сформировали блок кинокритиков, специализирующихся на анимации. Кинули клич на молодежной секции.

– Так я думаю – кто придет? У нас же не высокое искусство, а всем подавай высокое. Хотя по воздействию на людей – еще поищите такое. Я читаю старый журнал "Театр" – искусствоведческие статьи о спектаклях Райкина, Мироновой и Менакера. Я представляю себе спектакли, представляю себе психофизику актера благодаря этим статьям. А сейчас это исчезло. Мне ГИТИС много раз предлагал взять курс, но моя жизнь так загружена, что в ней нет никаких пробелов. Если преподавать серьезно, в это надо уйти с головой. Халтурить я не умею. Если уж этому делу отдамся, брошу что-то другое. "Смехопанорама" забирает у меня 60 процентов времени. Сорок остается мне на сон и на концертную деятельность.

– А к вам может запросто прийти незнакомый молодой автор или актер?

– Может, почему нет. Единственное условие – он должен быть профессионалом. Как база нужна профессиональная выучка: искусство требует жертв, но ими не должны быть зрители! *(Смеется.)*

– Вы сказали: "Наш жанр скоро умрет!"

– Ну, умрет. Мы полтора часа разговаривали с Хазановым – он тоже очень переживает, что гибнет жанр. Как почему? Он – не востребован! Как могут развиваться молодые артисты? Только в концертах, набивать себе шишки, делать ошибки, удачи фиксировать – развиваться. Наше дело живое, оно построено на контакте со зрителем – у меня было по 2-3 концерта в день. Шутка ли – какая практика! Где теперь молодому артисту проверяться? Вот ко мне придет показаться молодой артист – на фестиваль его пригласили. А у него один концерт в месяц. Была бы практика – он бы поехал, как мы говорим, "обкатанным".

Я у Плятта в 60-х годах спрашивал: "Ростислав Янович, что вы сегодня с Верой Петровной Марецкой играть будете?" Мы в одном концерте выступали. А они одну и ту же сцену из "Госпожи министерши", где он ее учил правилам хорошего тона, уже лет десять – пятнадцать играли. А он говорит: "Новая сцена – "Госпожа министерша" – обкатываем!" Только большие люди могут так шутить над собой. Ну, а нонешнему молодому – где ему обкатать это все?

– Почему вдруг у народа потребность в юморе исчезла?

– Не исчезла. Просто возможностей мало, хотя билеты у нас от 10 до 100 тысяч, и первыми разбирают те, что подороже. Конечно, ведь новым русским все равно – они могут и в три, и в тридцать раз больше заплатить. Кстати, знаете анекдот? Приходит "новый русский" в магазин и требует: "Дайте мне компьютер шестисотой модели, вишневого цвета и с кожаной мышкой". И, конечно, телевидение, видео, газеты. Работать больше стали. Уставать.

– Это приблизительно та же проблема, что и у кинематографистов: зритель ушел из зала, надо его туда вернуть. Отучили зрителя.

– Отучили. Теперь надо приучать заново, начиная с детей.

– Я к чему это спрашиваю – а в самой профессии кризиса нет? Вот в кинематографе, к примеру, кризис тем и идей.

– Хочу нагло вам сказать, когда началась перестройка – все растерялись, кроме нашего брата.

– Ох, у вас было о чем поговорить.

– И те, кто умел шутить, а не работал на констатации факта, получили возможность говорить о жизни. И заговорили!

– Да-а, поводов для иронии, сарказма и издевательств – более чем. Они самоигральны, наши лидеры. А не наезжают на вас политики?

– Им не до нас. *(Хохочет.)*

– А приходят они на спектакли?

– Приходят иногда.

– А за кулисы приходят? Вот, к примеру, человек узнал себя в вашем персонаже?

– Всякое бывает. Шумейко меня удивил, он еще председателем был там, в верхней палате. Сидит он в зале – а этика же должна соблюдаться, – я артистке говорю: "Ты про него не пой". Там в частушках по всем проходились. А он подходит после спектакля и говорит: " А про меня почему не пели?!" (Смеется.) Меня это и поразило, и заставило более уважительно к нему относиться.

– Получается три типа монологов. Первый – о политиках, второй, что меня лично более всего трогает, и, судя по реакции зала, не только меня, – это монологи типа "Не плачь, Федя!", или о старичке, который летит к своей "дочке" в Америку, в общем, о "простых советских людях", вынужденных переживать эту перестройку!

наш насущный

– Да, эти номера у меня всегда есть.

– И третий тип – чистая развлекательность.

– Вы тоже считаете, что этого не должно быть? Что это плохо? Что низкий жанр? Это – народный жанр!

– С моей стороны это было бы просто глупо – на последнем вашем спектакле во время монолога про прыжки с моста на подтяжках народ заходится смехом – что ж в этом плохого. Я о другом: в монологах такого типа на сегодняшней эстраде иногда такие скабрезности позволяются.

– Э-т-т точно! Но это вопрос сложный и крайне щекотливый – он требует отдельного разговора. Вот давайте сделаем так: Вы посмотрите несколько "сольников" разных мастеров и сборных концертов, а потом мы с вами об этом поговорим. Идет?

– Идет. А интересно, ваш роман с кинематографом так и не состоялся. Было что-нибудь, кроме злополучных проб на роль Бони в "Сильве", когда Вы сорвали спину, поднимая дебелую партнершу?

– В выпускной нашей программе "В жизни раз бывает восемнадцать лет" использовались кинокадры, и все мои учителя, в том числе и Рина Васильевна Зеленая (а у меня, кстати, были серьезные учителя) говорила, что, возможно, я сделаю карьеру в кино, поскольку очень киногеничен. Ну, она, как Вы знаете, сочетала работу на эстраде с кинематографом. В те годы, кстати, очень многие артисты эстрады снимались: Гаркави играл Черчилля, Райкин играл, Утесов, кроме "Веселых ребят", играл поначалу даже в немом кино. Раньше не было резкой градации: вот ты – артист кино, а я – артист эстрады. Была какая-то общность в искусстве. А теперь мы не общаемся и даже не признаем друг друга. Может, конечно, это объясняется большей загруженностью в своем виде деятельности – как у меня, к примеру. Хотя вот и Хазанов, и Евдокимов, и Винокур сейчас снимаются в кино. Мне кажется, если бы я нашел время, если бы судьба не давала мне подзатыльники, то что-нибудь серьезное у меня и могло бы получиться, потому что, мне кажется, я знаю загадку Габена.

– Я смотрела список ваших авторов, это, в основном, одни и те же имена в течение многих лет. А новые люди в жанр приходят?

– Вот моя воспитанница сделала большие успехи – молодая девочка Наташа Коростелева. Она закончила ленинградскую эстрадную студию как актриса, но вдруг стала писать. Написала 20-минутный монолог 98-летнего старика, который обращается к Ельцину. Там сарказм, предельный сарказм. Он о смерти говорит, смеясь. Люди смеются и плачут. Плачут самые искушенные. И она не единственная – несколько новых имен в моей авторской семье появилось. Саша Дудоладов серьезную вещь написал, пронзительную – "А музыка звучит". Все это в новом спектакле "Финансы поют романсы". Есть у нас и автор, который бросил это дело, стал челночником – а что делать, у него много детей, их надо кормить, и они не понимают, что такое трудности в жанре. Они есть хотят. А он сейчас вернулся – Натапов Леня – и начал опять писать, хотя возвращаться очень трудно.

– Зато у него теперь такой жизненный опыт!

– Да, тоже правильно.

– И еще один вопрос: он касается вашей профессии и вашей веры. Скоморохов раньше гнали, били. Как Вы считаете, смеясь над людьми, иногда очень жестко, уличая и обличая их, Вы не нарушаете заповедь: "Не судите да не судимы будете"?

– Я не сужу – я смеюсь. Я беседовал с епископом Родзянко на эту тему и доказал, что юмор служит Богу. Потому что юмор утешает, вдохновляет, дает надежду. И это – главное. В юморе нет категорического осуждения. Юмор имеет столько же оттенков, сколько наша жизнь. И каким бы едким юмор ни был, какого бы сарказма сатира ни добивалась, зритель, о котором надо думать и которого надо уважать, все время должен чувствовать вашу боль, ваше желание помочь. Если он будет чувствовать призыв к добру, он воспримет правильно любой сарказм, любую едкость, любую злость. Без сострадания и без боли, о чем мне когда-то говорил Аркадий Райкин, юмор обретает оттенки цинизма. И вот тогда он не служит Богу.

– Мне хотелось бы спросить вас о вашей родине, но я боюсь сделать вам больно.

– Я вообще Москву признаю своей родиной. Когда меня спрашивают, поеду ли я на родину, я понимаю, что думаю не о Баку, а о Москве. Может, это такой способ психологической защиты, потому что могилы моих родителей находятся в Баку, а я не могу поехать туда.

– Почему?

– Потому что меня убьют.

– В былые времена бакинцы гордились бы тем, что их земляк так далеко пошел.

– Мне говорят, что в Баку меня очень любят. Я не говорю, что весь народ пойдет меня убивать – это глупость, но фанатики найдутся обязательно, энтузиасты – как Хайт назвал "энтузазисты" – в любом деле. Ни один армянин уже много лет не въехал на территорию Азербайджана. А когда я жил в Баку, до окончания школы, именно этот город воспитал меня в духе интернационализма. Это был очень интернациональный город, там даже русские люди говорили с иностранным акцентом – одна речь была у всех. Другое дело, что я хотел стать актером и работал над произношением, и мой преподаватель по технике речи в Москве очень удивился, что у меня нет не только акцента, но даже мелодики – это же вещь почти не оборимая. Но вот такой я был уже тогда увлеченный человек.

– А друзей было много?

– Очень много. Сейчас меньше – только потому, что я очень занят. У меня нет времени ходить на многочисленные дни рождения, хотя я очень люблю людей и всегда с радостью общаюсь.

– То есть ваш дом – ваша крепость, или все же к вам могут в любой день завалиться без приглашения друзья?

– Могут, могут. Крайность у меня только в увлечении своей профессией, в других вещах крайностей нет – все, как у нормальных людей.

– А "побаловала" вас жизнь новыми казусами на сцене? Помните, Вы рассказывали, как однажды на сцену вышла кошка, села рядом с вами и начала умываться – и весь зал смотрел только на нее. Или как горилла, сбежавшая из расположившегося по соседству передвижного цирка, сидела за спиной выступающего артиста, а тот принимал гогот зала и аплодисменты на свой счет, пока, обернувшись, не столкнулся с ней нос к носу.

– На этих премьерных спектаклях портился радиомикрофон.

– Это уже не смешно.

– И прямо на глазах у зрителя, сострадавшего мне, вскрывали мне внутренности и вставляли батарейки, а я это комментировал. А мои ученики бегали в зал смотреть, как Петросян из этого положения будет выкручиваться. Смею заверить, что нет такого положения, из которого бы я не выкрутился. Ну, если только пуля в меня попадет.

– Это природный дар, или приобретено во время опыта работы конферансье?

– Конечно, это школа конферанса, ведь конферанс – это контакт со зрителем и умение комментировать происходящее.

– Иногда – неожиданно происходящее.

– Безусловно. Конферанс – прекрасная школа. С конферанса начинали все, кроме нынешних звезд, старые мастера начинали с конферанса.

– Вы называли Рину Зеленую, Аркадия Райкина, Леонида Утесова. Кто из них или кто-то другой оказал на вас глобальное влияние?

– Да, это Райкин и Утесов. Райкин, в основном, заочно, хотя несколько бесед о профессии у нас было, я их запомнил на всю жизнь наизусть. А с Утесовым я пять лет работал в его оркестре. Мы – партнеры с Утесовым.

– А сохранились записи ваших выступлений?

– Недавно аудиозаписи отыскались: мы выступали в питерском доме культуры моряков, и они сами записали. Много, правда, пропало, но хоть что-то сохранилось.

– А кино-телесъемок не проводилось разве?

– Не-ет, к великому, величайшему сожалению. Классика советской эстрады номер "Где родился джаз" – пластинка есть, не слышали? Утесов утверждал, что родина джаза Одесса, я – что Нью-Орлеан. Мы долго спорили, но побеждал, конечно, Утесов. Это был замечательный номер, я до сих пор поражаюсь, как можно было не посадить его на пленку. Да, впрочем, мало ли чего у нас пропало. Ну, не снимали. И сейчас, занимаясь "Смехопанорамой", я особенно сожалею, потому что такое помню! Почему еще "Смехопанорама" доставляет мне удовольствие? Во мне такое совпадение произошло: во-первых, я ученик всех стариков, вел концерты, где они участвовали – и театральные, и эстрадные, я их всех знал, был вхож в их дома. В 50-х годах я изучал историю жанра, я знал наизусть половину репертуара эстрады, Мироновой и Менакеру пел на кухне через многие годы те песни, что они пели в 50-х в спектакле "Кляксы". Песенка называлась "Когда нам будет 80 лет". И они были растроганы до слез, потому что им уже настало те 80... А теперь их уж нет. Я помню много. Знаю телевидение тех лет. Знаю телеархив. И мне хотелось раскрыть сокровищницы нашего жанра перед зрителем – отсюда "Смехопанорама". Я считаю, что несчастны те артисты, которые не любят зрителя и выходят перед ним выступать. Это трагедия – психологическая. Ты теряешь смысл своего выхода на сцену. Это аморально, с моей точки зрения. Иди тогда в другое место. Иди в кино – там со зрителем не считаются. А что, правда же! А в нашем деле мы себе такого позволить не можем, потому что все время работаем на контакте со зрителем. Поэтому, хоть и очень изнурительно – еженедельная передача – я не отступлюсь.

– Евгений Ваганович, в вашей книжке "Хочу в артисты" я вычитала, что вступительную песенку к одному из ваших спектаклей написала Алла Пугачева, а еще, что Вы предсказали ей славу, когда она была никому не известной начинающей певицей.

– Мы с ней часто встречались тогда в сборных концертах. И однажды она сказала, что едет на конкурс в Болгарию и очень волнуется. Я не знал, какую песню она везет, с кем будет соревноваться, но помню, что поцеловал ее и очень серьезно сказал: "Твой час пробил, ты станешь самой знаменитой артисткой. Храни тебя Господь". Пугачева исполнила "Арлекино" и проснулась знаменитой! А знаете, что я придумал? Я стараюсь каждый выпуск "Смехопанорамы" делать непохожим на другой: в одном – байки, в другом – неоткрытые имена, в третьем – знаменитые "старики", а есть – и творческие портреты, когда я приглашаю мастеров. Так я пригласил Аллу Борисовну, она заинтересовала меня как комическая актриса – ведь у нее много песен жанровых. Получился разговор на два часа: она рассказала столько смешного, веселого, трогательного. Мы стали вспоминать наши встречи на эстраде, отношения со зрителем. И я подумал, как жалко если придется ограничиться рамками "Смехопанорамы" – 27 минут минус время на фрагменты, и сделал еще и отдельную передачу.

– А на гастроли времени, наверное, уже совсем не остается?

– В сегодняшней ситуации "гастроли" слишком громкое слово. Если выезжаем на один-два концерта – вот и все мои гастроли. А из-за "Смехопанорамы" я чаще , чем раз в месяц, выехать не могу. Но в Москве еще выступаю. Приходите на мой новый спектакль "Финансы поют романсы". Я там рэп пою. Они – романсы, а я – рэп. Каждому – свое.

Беседовала Наталья МИЛОСЕРДОВА

Экран и сцена –

268